

сификации культур Тувы» (ссылки даны на архив Института археологии и публикации 1957 и 1958 гг., с. 202, примеч. 1). О роли же другого исследователя этих памятников, С. И. Вайнштейна, говорится лишь в примечании, где, упомянув его статью 1959 г., посвященную средневековым оседлым поселениям и оборонительным сооружениям в Туве (и умолчав о предшествующих его публикациях по этому вопросу), Л. Р. Кызласов пишет, что в ней «датировки, отнесение крепостей и длинных стен к уйгурам и история вопроса взяты из наших докладов и рукописного отчета..., к сожалению, без ссылок. Заимствование доказывается, например, тем, что он (С. И. Вайнштейн.— Ю. З. и Д. С.) использует данные мной названия и нумерацию шагонарских городищ» (с. 145, примеч. 94).

Однако ни в архивных материалах, ни в публикациях до 1957 г., на которые ссылается здесь Л. Р. Кызласов, нет, вопреки его утверждениям, ни одного упоминания об уйгурском периоде в культуре Тувы. Что же касается экспедиции 1947 г., то ее руководители — С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова считали, как уже говорилось, эти городища поздними, не имеющими культурного слоя¹⁶, что исключало возможность их датировки. Да и сам Л. Р. Кызласов писал, что монгольский город Дон-Терек, «единственный в Туве древний город»¹⁷. Длинные стены оборонительного вала, связывавшего эти городища, именуемого местными жителями «дорогой Чингисхана», он также считал дорогой, построенной киданями¹⁸. Точка зрения Л. Р. Кызласова изменилась только после упомянутых раскопок, проведенных экспедицией Тувинского НИИЯЛИ в июне-июле 1957 г. Руководитель экспедиции С. И. Вайнштейн в статье о предварительных результатах ее работ писал в июле 1957 г., что экспедиция провела раскопки городища у с. Чаа-Холь и, судя по открытому в нем культурному слою, оно существовало в домонгольское время. «Такие городища,—отмечал С. И. Вайнштейн,—известны в ряде районов Тувы. Так, только вблизи г. Шагонара нами было обнаружено четыре городища, окруженных валами. Внутри одного из городищ сохранились остатки стен здания, сложенного из сырцового кирпича... ряд других известных в Туве городищ, сходных по конструкции, существовал в одно время с ним»¹⁹. Экспедиция же Л. Р. Кызласова, как он сам пишет в рецензируемой книге (с. 203), выехала «для производства маршрутных раскопок и обследований в окрестности Шагонара» 5 августа 1957 г., т. е. не только после обследования и раскопок городищ экспедицией ТНИИЯЛИ, но и после первой публикации их результатов. Ничего не пишет автор книги и о том, что именно эта экспедиция впервые провела раскопки «дороги Чингисхана», доказав, что это не дорога, а грандиозный оборонительный вал²⁰.

В «Заключении» Л. Р. Кызласов снова говорит о научной систематизации памятников, которая способствует «раскрытию общего хода исторического процесса» (с. 200). Однако ни с точки зрения полноты фактического материала, ни с точки зрения периодизации и исторической интерпретации памятников рецензируемая книга не соответствует целям, обозначенным им в «Предисловии» и «Заключении».

Ю. А. Заднепровский, Д. Г. Савинов

¹⁶ Обследовав городище Бажин-Алак у Чедана в западной Туве, Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев пришли к выводу, что «по-видимому, это городище относится к до-вольно позднему времени». Далее они отметили, что в той же местности «были обследованы еле заметные остатки валов какого-то укрепления, схожего с укреплениями около Бажин-Алака», а к западу от пос. Бай-Тал, «на правом берегу Хемчика, экспедиция обследовала остатки укрепления, подобного описанным выше, без культурного слоя, с валами очень плохой сохранности». В статье был приведен и план городища Бажин-Алак. См. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, М.—Л., 1949, в. XXVI, с. 123—124.*

¹⁷ *Кызласов Л. Р. Археологическая экспедиция в Туве.— Тувинская правда, № 199/3720 от 6 октября 1956 г.*

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Центральной Туве.— Тувинская правда, № 150/3929 от 30 июля 1957 г.*

²⁰ *Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл: Тувкнигоиздат, 1959, в. 7, с. 260—274.*

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1981, т. XIII.

Ряд монографий, опубликованных сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, пополнился только что вышедшей в свет рецензируемой книгой А. В. Виноградова. Работы А. В. Виноградова хорошо известны исследователям пустынь Средней Азии, причем не только историкам. Традиционно комплексный характер исследований Хорезмской экспедиции послужил основой для проведения полевых работ автора и позволил ему в содружестве с геологами, геоморфологами, географами, почвоведом, геохимиками исследовать обширный и труднодоступный пустынный регион, включающий и районы древних дельт и внутренние бессточные области Кызылкумов. Именно комплексный подход к интерпретации археологических материалов, являющихся основным источником в исследованиях автора, позволил ему успешно рассмотреть

в рецензируемой книге проблему взаимоотношения человека и окружающей среды в эпоху первобытности, проблему в целом, вне узких хронологических рамок, являющуюся «необычайно злободневной для нашего времени и для всего будущего человечества»¹. Введенный А. В. Виноградовым в научный оборот огромный фактический материал, обработанный творчески и с применением новейших методов, дал ему возможность рассмотреть в книге такие глобальные и дискуссионные проблемы, как проблема палеоклиматических изменений и возможная зависимость от них систем расселения человека в отдельных регионах; проблема развития присваивающего хозяйства и путей перехода его к производящим формам в пределах одной историко-культурной области; проблема тесной связи хозяйственно-культурного типа оседлых охотников и рыболовов древних дельтовых равнин с системой их расселения и типологией жилища. К этому следует добавить, что А. В. Виноградову удалось сделать первые шаги в изучении истории населения пустынь Средней Азии в эпоху палеолита и мезолита, убедительно обосновать хронологическую классификацию кызылкумского неолита и сделать ряд серьезных принципиальных выводов по многим важным сторонам истории, хозяйства и культуры древнего населения Среднеазиатского междуречья.

Рассматриваемая монография в значительной степени отличается от ранее опубликованных книг автора². Если ранее акцент был сделан на публикацию результатов полевых исследований, к обобщению которых А. В. Виноградов подходил очень осторожно, в основном оставаясь в рамках своего региона (Кызылкумы), то в рассматриваемой книге, наоборот, сделана попытка обобщения всего ранее известного среднеазиатского материала.

Первая глава книги дает палеогеографический фон для последующих ее разделов, посвященных истории древнего населения ныне пустынных равнин. В ней рассматривается проблема прежних климатических и ландшафтных условий Кызылкумов и других пустынь Средней Азии и Казахстана. Проблема эта, как известно, является кардинальной для специалистов в области четвертичной геологии, и то, что в обсуждении голоценовой климатической истории Средней Азии принял участие археолог столь высокой квалификации, можно, безусловно, только приветствовать.

Следует подчеркнуть, что автор отнюдь не ограничивается анализом лишь археологических данных, он стремится использовать весь арсенал источников современной науки о палеоклиматах. Это позволило А. В. Виноградову значительно развить представления о предшествовавшем современной ксеротермической эпохе увлажнении климата, так называемом льяляканском плювиале. Хотя сама по себе эта идея и не нова, но она и сейчас имеет своих приверженцев и противников, и этим, видимо, и объясняется слишком пространная полемическая часть главы.

Наиболее яркое впечатление оставляют, безусловно, страницы, на которых показаны истоки прежних ошибок палеоклиматологов при использовании археологических данных, где подчеркнута необходимость последовательного анализа каждой хронологической группы археологических памятников для выявления зависимости обживания или запустения региона от экологических факторов. Эта мысль прекрасно аргументирована картами, показывающими динамику древнего заселения Льяляканских озер (с. 24—25).

Автор пытается уточнить намеченные ранее рамки льяляканского плювиала³, датировать в более узких пределах начало этой относительно влажной эпохи. Полученные на территории Кызылкумов данные пока недостаточны для окончательного решения этого вопроса, однако предлагаемая А. В. Виноградовым датировка начала увлажнения концом мезолита подтверждается некоторыми данными с других территорий.

Убедительно обоснован автором важный вывод о жесткой связи природных условий с интенсивностью расселения во внутренних бессточных областях Среднеазиатского междуречья. Пожалуй, это наиболее чистый вариант таких связей, в котором наличие или отсутствие водных ресурсов играет главную роль. В этом плане, однако, был бы полезным более широкий экскурс в археологию пустынь Старого света. Многие исследователи Сахары, Египта, пустынь Негев, Тар неоднократно указывали и на наличие такой жесткой связи, и на определенные трудности в конкретной интерпретации фактического материала⁴.

Глава «Палеолит и мезолит» самая короткая в книге, но очень важная. Открытие палеолита в Кызылкумах несмотря на незначительный объем полученных там коллекций, трудно переоценить, ведь до последнего времени пустыни Средней Азии были бе-

¹ Герасимов И. П. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (предисловие). М., 1974, с. 3; Герасимов И. П., Величко А. А. Проблема роли природного фактора в развитии первобытного общества. Там же, с. 7—16.

² Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. Материалы Хорезмской экспедиции (далее — МХЭ). М.: Наука, 1968, в. 8; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Льялякан — МХЭ. М.: Наука, 1975, в. 10.

³ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Льялякан, с. 253.

⁴ Например, Капо-Рей Р. Французская Сахара. М.: Географгиз, 1958; Butzer K. W. and Hansen C. L. Desert and River in Nubia. The University of Wisconsin Press, 1968; Marks A. E. (Ed.). Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev. Israel. V. I, II. Dallas; South Methodist University Press, 1976, 1977; Allchin B., Gaudie A., Hedge K. The Prehistory and Palaeogeography of the Great Indian Desert. London: Academic Press, 1978.

лым пятном на археологической карте этого региона. На наш взгляд, вряд ли следовало автору еще раз подтверждать высказанную ранее мысль о близости индустрий стоянки Кызылнура 1 и Тешик-Таша и об их возможной синхронности (с. 46). Представляется, что такая связь должна быть скорее опосредствована индустриями типа Кутурбулака⁵ или же менее выразительными материалами с южного склона хребта Каратау⁶. Так же рано говорить о разнофасиальных индустриях в Кызылкумах (с. 52), тем более, что некоторые из изделий, представленных на рис. 10, 11, типологически могут и не быть мустьерскими, поскольку их возраст определяется только внешним видом, вернее отличиями (выветренность, оглаженность, первичный материал) от мезо-неолитических комплексов.

Чрезвычайно сложно определить время и культурные связи палеолита, найденного на Устюрте. Материалы, собранные автором рецензируемой работы и Е. Б. Бижановым на стоянке Есен 2 и позже Е. Б. Бижановым на стоянках Есен 3 и Каракудук, полностью еще не опубликованы. Наибольший интерес представляют найденные здесь бифасы (с. 56). В данном случае важно то, что находки бифасов на Устюрте доказывают существование бифасиальной техники в равнинной части Средней Азии. Если мустье южной части Среднеазиатского междуречья, по всей вероятности, в культурном отношении относится к мустье гор Средней Азии (пластинчатое мустье), развившемуся на леваллуазской основе, то севернее начинается полоса бифасиальных индустрий, в которых пластинчатая индустрия играет лишь подчиненную роль. Объяснение этому факту найти очень трудно. Решающую роль здесь могут играть как экологические условия и специфика существования первобытного человека в пустынях и степях Средней Азии и Казахстана, так и первичный материал и техническая традиция.

Показательно, что, за исключением находок с Мангышлака (А. Г. Медоев), из Центральных Каракумов (А. А. Марушенко) и случайных сборов из района Барсакельмеса (с. 57), верхнепалеолитических материалов на громадной территории среднеазиатских пустынь пока не найдено. Это в целом соответствует положению в горных районах Средней Азии, несравненно более подробно изученных. В связи с этим в последнее время все большую популярность приобретает представление о постмустьерских культурах, т. е. о сохранении мустьерской традиции в верхнепалеолитическую эпоху. Судя по замечанию о пересмотре вероятного возраста «мустьеронидных» находок из района Лявляканских озер (с. 52) и общему тексту главы, А. В. Виноградов не поддерживает эту идею.

Как и верхний палеолит, мезолитическая эпоха остается «темным веком древнейшей истории Кызылкумов» (с. 57). Можно добавить: и всей центральной и восточной части Каракумов. Мало вероятно, по мнению автора монографии, что мезолитические комплексы ярко выраженного ближневосточного типа будут найдены в Среднеазиатском междуречье в будущем (с. 58). После знакомства с мезолитом близлежащих к Кызылкумам районов (с. 57—59) А. В. Виноградов приходит к выводу о том, что в мезолите на этой территории (Кызылкумов.— Э. М., В. Р.) развивалась иная культурно-техническая традиция, вероятно, близкая в основных элементах мезолитической культуре восточных районов» (с. 58). Под мезолитом восточных районов имеются в виду материалы, полученные в Таджикистане, Фергане и Северном Афганистане.

На фоне скудости материала по палеолиту и мезолиту тем эффектнее выглядит «неолитическая оккупация» Среднеазиатского междуречья, очень четко и подробно охарактеризованная в третьей главе книги — «Новые материалы по неолиту Кызылкумов». По своему объему (с. 64—118) она занимает центральное место в монографии, а ее содержание в географическом плане несколько шире названия.

Не пересказывая содержание главы и не останавливаясь на деталях, подчеркнем главное. Принципиально новый и очень важный этап в изучении неолита пустынь Средней Азии начался с открытия А. В. Виноградовым самой древней для кызылкумского неолита стоянки Учачи 131. Археологический комплекс, датированный по радиоуглероду, ранние формы трапециевидных изделий — «рогатые» трапеции продемонстрировали соответствие памятника раннему неолиту и показали, что нет необходимости удревнять до бесконечности хорезмский кельтеминар (типа Джанбас 4). Ранний неолит дарьясайского типа позже был найден почти везде в Кызылкумах и в ряде районов за их пределами (Юго-Восточный Устюрт, Северо-Восточное Приаралье, Северный Афганистан). Именно эти стоянки и образуют самый ранний пласт неолитического населения Среднеазиатского междуречья. А. В. Виноградов допускает, что отдельные стоянки дарьясайского типа могут относиться к заключительным этапам мезолита (с. 69), но большая часть их в связи с наличием на стоянке Учачи 131 керамики, бесспорно, неолитическая.

Эта керамика, полученная в хороших стратиграфических условиях, самая ранняя в Кызылкумах и датируется VI тысячелетием до н. э. Она удивляет сложностью форм, однако сделана из грубого теста, плохо обожжена и, несомненно, местного происхождения. Очевидно, керамика сохраняет традиции какой-то иной культуры со сравнительно высоким техническим уровнем изготовления керамических сосудов. Судя по имеющимся публикациям, ни неолитический Джейтуц, ни плохо известный неолит Северного

⁵ Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зеравшана. Ташкент: ФАН, 1980.

⁶ Алысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.

Афганистана не дают столь развитых форм⁷. Откуда появилась эта керамика в Кызыл-кумах — загадка, которой стоило бы заняться специально.

Вторым очень важным разделом главы является описание жилищ стоянки Толстова — крупнейшего хорошо стратифицированного комплекса развитого неолита, открытого и исследуемого сейчас А. В. Виноградовым. Пока вскрыты и исследованы остатки двух наземных построек и одной полужемлянки. Жилые комплексы, детально исследованные автором рецензируемой монографии, принесли исключительный по богатству кремневый, костяной и керамический материал. Коллекция изделий из кости по объему, разнообразию форм и сохранности является уникальной для Средней Азии (с. 82—84). Огромное значение имеют и остатки фауны. Материал, полученный при раскопках, позволяет внести ряд важных корректив в принятые представления, в частности в вопрос о развитии орнамента неолитической керамики Хорезма.

Не менее существенным для исследования неолита равнин Средней Азии является первый неолитический могильник охотников и рыболовов — Тумескичиджик. Могильник датируется временем развитого неолита, а по обряду скорее всего близок к могильнику Кайлю.

Важным вкладом в изучение каменного века Средней Азии является глава, посвященная хронологии неолита (с. 118—136). Предлагаемая в ней новая хронологическая шкала неолита равнинной части Средней Азии — безусловная заслуга автора. Очень удачно показана история постепенного удревления кельтеминара, инициатором которого вот уже несколько лет выступает Г. Ф. Коробкова.

Однако, на наш взгляд, А. В. Виноградов действует с более правильных позиций, чем Г. Ф. Коробкова, которая ставит во главу угла технико-типологические характеристики индустрии мезолита и неолита, но не учитывает характер стратиграфии, возможность геологической привязки и т. д. Поэтому ее построения скорее классификация, чем периодизация⁸. А. В. Виноградов наряду с детальнейшим критическим анализом всей совокупности археологических данных (пересмотр возраста слоев Джебела — с. 121—122), использует данные геологии и геоморфологии, палеогеографии и другие материалы. Поэтому можно считать, что хронологическая таблица на с. 132 и предложенное А. В. Виноградовым деление неолита Среднеазиатского междуречья на три этапа: Дарьясайский — ранний неолит (конец VII — середина V тысячелетия до н. э.), Джанбасский — развитый неолит (конец — середина IV тысячелетия до н. э.) и позднелинтийский (конец IV—III тыс. до н. э.) являются вполне обоснованными и представляют собой новый, важный этап в изучении неолита Средней Азии.

В главе 5 — «Неолитические охотники и рыболовы» детально рассмотрен вопрос о характере хозяйства неолитических племен пустынных равнин Средней Азии. Сведения этого плана в литературе крайне отрывочны и не всегда достоверны. Отсюда появление чисто умозрительных заключений (неолитическое земледелие в низовьях Зеравшана, скотоводство у кельтеминарцев и в Караунгуре и др.). А. В. Виноградов учел все используемые в литературе свидетельства о наличии в мезолите и неолите элементов производящего хозяйства (Агиспе, Саксаульская, Дам-Дам чешме 2, Джебел, Караганда 15, Кушилиш, Мачай, Караунгур) и пришел к выводу, что за пределами распространения джейтунской культуры лишь Дам-Дам чешме 2 является неолитическим памятником среднеазиатских пустынных равнин, где имеются бесспорные остатки домашних животных. В связи с этим лишены фактического основания имеющиеся в литературе гипотезы о том, на каком этапе кельтеминара возникло скотоводство, как оно развивалось, о двух путях становления производящего хозяйства и т. д. (с. 138—139). После получения солидной коллекции фауны со стоянки Толстова и некоторых других пунктов можно достаточно уверенно утверждать, что неолитическое население Среднеазиатского междуречья не имело никаких домашних животных, кроме собаки (с. 140—141)! Неожиданным явился факт широкого распространения в неолите в районах нынешних пустынных равнин крупного дикого быка, видимо, тура, обитателя степи и лесостепи. В конечном итоге выводы, сделанные автором монографии, могут быть сформулированы следующим образом: 1) бесспорных свидетельств существования производящего хозяйства для неолита равнинной части Среднеазиатского междуречья нет; 2) до конца неолита здесь господствует присваивающее хозяйство; 3) пока еще нет данных, позволяющих оценить сравнительное значение различных отраслей хозяйства кельтеминарцев в общей системе производства; 4) имеющиеся материалы не подтверждают предположения о двух путях перехода к производящей экономике: земледельческом или скотоводческом⁹. Производящее хозяйство всюду в Средней Азии, как показано А. В. Виноградовым, появляется в комплексном виде с превалированием в разных районах какого-нибудь одного направления.

Немалое значение имеет и раздел, посвященный описанию жилища, тип которого, как правильно считает исследователь, обусловлен характером хозяйства и общественным строем охотников, рыболовов и собирателей дельт (с. 147). В этом разделе собран весь опубликованный материал по неолитическому жилищу равнин Средней Азии и Казахстана. Основной вывод автора: в неолите сложилась устойчивая традиция сооружения наземных прямоугольных жилых построек, не менявшаяся на протяжении 3—

⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971, табл. XXXIII и сл.; Shaffer J. G. The late Prehistoric Period.— In: The Archaeology of Afghanistan. L.: Academic Press, 1978, p. 78—81.

⁸ Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии.— Сов. археология, 1975, № 3.

⁹ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1969, № 158, с. 181.

4 тысячелетий. На с. 155 сделана попытка исследования социальной организации и численности населения. Эти данные, безусловно, полезны и будут в дальнейшем не раз использоваться исследователями различных направлений.

К сожалению, ни в ранее опубликованных работах, ни в настоящей публикации не проделан еще достаточно подробный и убедительный анализ распространения и взаимосвязанности различных элементов внутри жилища и в околожилищном пространстве. Очевидно, это дело ближайшего будущего, и успешное исследование стоянки Толстова даст превосходную возможность для такого анализа.

Важны также выводы заключения (с. 160—171). Это прежде всего установление и выяснение причин «демографического взрыва» на равнинах Средней Азии в конце мезолита — начале неолита (с. 161). Массированное увеличение населения в это время — не следствие спонтанного развития местных культур, а результат позднемезолитической инвазии, происшедшей скорее всего с юга, где исследованиями в Южном Таджикистане и Северном Афганистане обнаружен крупный очаг мезолитической культуры. Не исключено, что одним из исходных рубежей расселения были мало изученные пока области Восточного Ирана. Этот новый путь (по Амударье), очевидно, сыграл в то время значительно большую роль, чем традиционный — вдоль берегов Каспийского моря.

Было бы неправильно, однако, противопоставлять друг другу эти два региона существования в VIII—VII тысячелетиях до н. э. мезолита «ближневосточного типа» (ранее называвшегося капсийским). Автохтонное развитие последнего на месте допустимо, но мало вероятно, как и в других регионах Юго-Восточной Азии, затронутых распространением геометрических форм эпохи мезолита¹⁰. О том, что эта традиция распространялась путем миграции или диффузии, говорит отсутствие подобных индустрий в Среднеазиатском междуречье в эпоху раннего мезолита, так же как и аналогичные явления в предгорьях Гималаев или в пустынях Центральной Азии. Вероятно, в данном случае речь может идти лишь о различных вариациях одного и того же процесса — движения носителей ближневосточной традиции на север и восток.

С выходом новой работы А. В. Виноградова наша наука получила фундаментальный, теоретически обоснованный труд, который подвел итоги 30-летних исследований каменного века Среднеазиатского междуречья. Нам остается только пожелать автору дальнейших успехов в изучении столь любимых им среднеазиатских пустынь, и прежде всего детальной, монографической публикации стоянки Толстова. Это будет лучшим памятником создателю Хорезмской экспедиции, в рамках которой выросло и окрепло научное значение работ А. В. Виноградова.

Э. Д. Мамедов, В. А. Ранов

¹⁰ Allchin B. The stone-tipped Arrow. L.: Phoenix House, 1966.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ АККУЛЬТУРАЦИИ ЦЫГАН-ИММИГРАНТОВ В ШВЕЦИИ

Marta C. A. Group of Lovara Gysies Settle down in Sweden. An Analysis of their Acculturation. Stockholm: IMFO-gruppen, 1979. 128 p.; idem. The Acculturation of the Lovara. Stockholm: IMFO-gruppen, 1979. 31 p.

Цыганологические исследования послевоенного периода (особенно 60—70-х годов) отличает прежде всего повышенный интерес ученых к социально-экономическим, политическим и этнокультурным проблемам развития цыганского народа.

Тяжелые социально-бытовые условия, расовая дискриминация и преследования со стороны органов власти, рост этнического самосознания и борьба цыган за свои права и свободы — все эти проблемы исследуются этносоциологами США¹, Англии², Франции³,

¹ Gropper R. C. Urban Nomads — the Gypsies of New York City.—Transactions of the New York Academy of Sciences. Ser. 2, № 29. 1967, p. 1050—1056; idem. Gypsies in the City. Culture Patterns and Survival. Princeton, 1975; Kornblum W., Lichter P. Urban Gypsies and the Culture of Poverty.—Sociology for pleasure. Englewood Cliffs, 1974, p. 363—373; Hancock I. F. Some Contemporary Aspects of Gypsies and Gypsy Nationalism.—Roma, Chandigarh, 1975, № 2, p. 46—55.

² Sandford J. Britain's Gypsies and Travellers.—The New Poor. Anatomy of Under-privilege. London, 1973, p. 75—98; Acton T. Gypsy Politics and Social Change. The Development of Ethnic Ideology and Pressure Politics among British Gypsies from Victorian Reformism to Romany Nationalism. London — Boston. XI. 1974. 310 p.; Gypsies and Government Policy in England. A Study of the Traveller's Way of Life in Relation to the Policies and Practices of Central and Local Government. London, 1975. 328 p.

³ Falque E. Voyage et tradition. Approche sociologique d'un sous-groupe tsigane, les Manouches. Paris, 1971; Liégeois J.-P. La mutation des Rom. Essai d'anthropologie politique dans un groupe tsigane. Paris, 1973; idem. Le règne de l'utopie.—Etudes Tsiganes. Paris, 1974, № 2—3, p. 10—31; idem. Naissance du pouvoir tsigane.—Revue française de sociologie. T. 16, № 3. Paris, 1975, p. 295—316.